

Пусть идет снег

Автор:

[Джон Грин](#)

Пусть идет снег

Джон Грин

Морин Джонсон

Лорен Миракл

Young Adult. Кинообложка

«Пусть идет снег» – сборник рождественских рассказов от Джона Грина, Морин Джонсон и Лорен Миракл.

Экранизация от Netflix в 2019 году.

Бестселлер The New York Times.

Роман переведен на 20 языков. Более 126 изданий и переизданий во всем мире.

Жители Грейстауна оказались во власти снежного урагана. Но в канун Рождества могут случиться самые невероятные события. Кафе на окраине вдруг превратится в романтический уголок, где чудесным образом переплетутся между собой три истории.

Шестнадцатилетняя Джубили выберется из застрявшего в снегу поезда и встретит очаровательного незнакомца. Трое друзей, Тобин, Джей и Герцог, будут рисковать жизнью ради команды чирлидерш. Аделина, девушка с разбитым сердцем, отправится на поиски сбежавшего карликового поросенка и, возможно, найдет рождественский подарок для себя.

«Чувство юмора помогает авторам связать воедино эти истории. Каждая из них наполнена романтикой и праздничным настроением». – The Horn Book

Джон Грин, Морин Джонсон, Лорен Миракл

Пусть идет снег

© Л. Смилевска, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО Издательство «Эксмо», 2022

Морин Джонсон

Джубили-экспресс

Хэмишу, который учил меня покорять снежные склоны по принципу «катись очень быстро, а если видишь препятствие – поворачивай». Всем, кто трудится за фасадом корпоративного монолита, каждому, кому приходится заказывать латте гранде по три тысячи раз в день, всякой душе, которая когда-либо сталкивалась с проблемой сломанного терминала для кредитных карт в праздничной суете... эта книга – для вас.

Глава 1

Была ночь накануне Рождества.

Точнее, вечер перед ним. Но прежде чем мы окажемся в самой гуще событий этой истории, давайте кое-что проясним. По опыту знаю: если это всплывет позже, то украдет все ваше внимание и сосредоточиться ни на чем другом вы уже не сможете.

Меня зовут Джубили[1 - От англ. Jubilee - «юбилей». (Примеч. пер.)] Дугал. Прочувствуйте это.

Видите, если сказать об этом прямо, звучит не так уж плохо. А теперь представьте, что посреди длинной истории (где мы с вами вот-вот окажемся) я вдруг огорошиваю вас: «Кстати, меня зовут Джубили». Вы точно не будете знать, как на это реагировать.

Знаю, Джубили – немного стриптизерское имя. И вы, вероятно, подумали, будто я создана для шеста. Но нет. Достаточно всего разок увидеть меня, чтобы стало ясно: для работы в сфере стриптиза я не подхожу (ну, или мне так кажется). У меня короткие темные волосы. Половину времени я ношу очки, другую – линзы. Мне шестнадцать, я пою в хоре и участвую в олимпиадах по математике. Занимаюсь хоккеем на траве, игрокам в который явно недостает присущих стриптизу гибкости и смазанной детским маслом грациозности. (Я ничего не имею против стриптизерш – на случай, если кто-то из них это читает. Просто я к ним не отношусь. Единственное, что меня беспокоит в танцах у шеста, это латекс. Думаю, он не очень полезен для кожи, так как не дает ей дышать.)

Моя претензия состоит вот в чем: я вообще не считаю, что Джубили – это имя. Это название какой-то вечеринки. И никто уже не знает какой. Вы хоть раз слышали, чтобы кто-то сегодня устраивал юбилей? А если так, пошли бы на такое сборище? Я вот нет. Звучит так, будто для его организации вам придется арендовать большой батут, развесить флаги и продумать сложный план для вывоза мусора.

Если вдуматься, с таким же успехом на подобном празднике могут танцевать безнадежно устаревшую кадрили.

Мое имя тесно связано с событиями этой истории, как я уже сказала, начавшейся вечером накануне Рождества. Это был один из тех дней, когда чувствуешь: жизнь... любит тебя. Экзамены прошли, и со школой было покончено до нового года. Я сидела одна в нашем доме, очень теплом и уютном, одетая во всё новое:

черная юбка, колготки, блестящая красная футболка и новые черные ботинки были припасены у меня как раз для этого дня. Мои подарки были упакованы и готовы к отбытию. Я пила эггног[2 - Эггног – традиционный рождественский напиток в США, Канаде и многих странах Европы, готовится из сырых яиц и молока. (Примеч. пер.)]—латте собственного приготовления, полностью готовая к предстоящему большому празднику в доме Ноа Прайса, моего бойфренда – к рождественскому шведскому столу, который ежегодно устраивала его семья.

Традиционный рождественский фуршет Прайсов сыграл немалую роль в нашей истории. Благодаря ему мы и начали встречаться. До приема Ноа Прайс был звездой на моем небосклоне... неугасимой, знакомой, яркой – и бесконечно далекой. Я знала его с четвертого класса, но примерно так же, как знала людей с телевидения: тебе известны имена, ты смотришь шоу. Конечно, Ноа был немного ближе... но каким-то странным образом, когда всё происходит в реальной жизни... человек оказывается еще более далеким и недоступным, чем настоящая знаменитость. Близость не порождает сближения.

Он всегда мне нравился, но я никогда не задумывалась о том, что он мне нравится. Не считала это разумным. Он был на год старше меня, на голову выше, широк в плечах, с ясными глазами и густой копной волос. У Ноа было всё: спортсмен, отличник и авторитетный член школьного правительства, он создавал впечатление человека, который может встречаться только с моделями, шпионками или интеллектуалками, в честь которых названы медицинские лаборатории.

Так что, когда год назад он позвал меня на Рождественский шведский стол, меня чуть на части не разорвало от волнения и растерянности. Три дня после приглашения я даже не могла нормально ходить. Всё было так плохо, что мне пришлось вдумчиво репетировать походку, перед тем как отправиться в дом Ноа. Я не знала, почему он меня пригласил: то ли потому, что я ему нравилась, или мама заставила (наши родители знают друг друга), или просто проиграл пари. Мои друзья тоже были взбудоражены случившимся, но, судя по всему, понимали ситуацию лучше меня. Они уверяли: он не сводил с меня глаз на математических соревнованиях, смеялся над моими попытками отпустить шутки из области тригонометрии, постоянно втягивал в беседы.

Это было натуральное безумие... будто я узнала, что кто-то написал книгу о моей жизни или что-то вроде того.

Большую часть того приема я провела в безопасном углу, общаясь с сестрой Ноа, девушкой весьма недалекой (при всей моей любви к ней). С ней можно высказаться только о любимых брендах толстовок – и уже почувствовать, как сужается круг тем для разговоров. Но держит она себя при этом как настоящий чемпион. У Элизы всегда есть соображения по любому поводу.

В конце концов в беседе возникла пауза – как раз в тот момент, когда мама Ноа вынесла очередное блюдо, – и у меня появилась возможность улизнуть под предлогом «О-прости-но-это-выглядит-так-аппетитно». Я понятия не имела, что было на тарелке, и оказалось – соленая рыба. Но не успела я отступить, как мать Ноа сказала: «Тебе стоит попробовать кусочек».

Давно я не чувствовала себя так глупо, жуя ту рыбу. Но мне повезло: как раз в эту минуту я заметила устремленный на меня взгляд Ноа. «Я так рад, что ты попробовала это», – сказал он. Я поинтересовалась, почему, всё еще подозревая: дело в споре. («О'кей, я позову ее, но вы, парни, будете должны мне 20 баксов, если я заставлю ее съесть маринованную рыбу».)

А он ответил: «Потому что я ее ел».

Поскольку я продолжила стоять с, как я полагаю, очаровательным выражением полного недоумения на лице, он добавил: «И я не смог бы поцеловать тебя, если бы ты тоже ее не попробовала».

Это было и противно, и невероятно романтично. Ноа ведь мог просто подняться наверх и почистить зубы, но остался и крутился рядом с рыбой из-за меня. Потом мы пробрались в гараж, где целовались под полкой с электроинструментами. Так всё и началось.

В общем, этот канун Рождества, о котором я собираюсь рассказать, был не просто преддверием праздника: это была наша первая годовщина. Самой не верилось, что прошел уже год. Он пролетел так быстро...

Понимаете, Ноа всегда очень занят. Когда он появился на свет, крошечный, скорченный и розовый, ему, вероятно, пришлось уже в ближайшее время выйти из больницы, чтобы успеть на встречу. Как старшеклассник, член футбольной команды и президент школьного совета он располагал свободным временем в количестве, стремившемся к нулю. Думаю, за год у нас была всего дюжина

настоящих свиданий, проведенных наедине. Примерно раз в месяц. Но нас часто видели вместе. Ноа и Джубили на ярмарке выпечки, организованной школьным советом! Ноа и Джубили за судейским столом футбольного матча! Ноа и Джубили в столовой, в классе, на встрече, посвященной организации выпускного...

Ноа понимал это. И хотя сегодня было семейное мероприятие, где будет полно народу, он обещал выкроить время только для нас. Он всё продумал заранее. По его расчетам, если мы потратим два часа на вечеринку, то потом сможем сбежать в заднюю комнату, обменяться подарками и вместе посмотреть «Гринч – похититель Рождества». А позже он отвезет меня домой, и по пути мы ненадолго остановимся...

А потом, конечно, моих родителей арестовали, и всё это полетело к чертям.

Вы слышали о «Счастливой деревне Санты»? Я полагаю, про нее знают все, ведь в моей жизни она занимает очень важное место; однако не так давно мне сказали, что я делаю слишком много предположений, а значит, лучше мне пояснить.

«Счастливая деревня Санты» – это серия коллекционных керамических фигурок, объединив которые можно «построить» небольшой городок. Мои родители собирали их со дня моего рождения. Я смотрела на эти крошечные улочки, вымощенные пластиковым булыжником, с тех пор, как стала достаточно большой, чтобы стоять на своих двоих. У нас есть всё: мост из леденцов, Талое озеро, мармеладная лавка, пекарня имбирных пряников, аллея Сахарных сливок. Коллекция велика. Родители купили для нее специальный стол, и теперь со Дня благодарения до Нового года она занимает центральное место в нашей гостиной. Чтобы вся эта конструкция заработала, требуется семь удлинителей. Во имя разумного потребления я уговорила родителей выключать огни хотя бы на ночь, но это было непросто.

Меня назвали в честь здания № 4 «Счастливой деревни Санты» – Джубили Холла. Это самое большое строение в коллекции, главное место, где делают и упаковывают подарки. Там есть разноцветные фонари, движущийся конвейер с приклеенными к нему коробочками и крошечные эльфы, которые поворачиваются, будто загружая и разгружая подарки. Они приклеены к рукам каждого работника Джубили Холла, так что на самом деле эльфы похожи на кучу замученных существ, обреченных поднимать и опускать одну и ту же

коробку снова и снова до скончания веков или пока не сломается мотор. Помню, как указала на это маме, когда была маленькой; она ответила, что я упускаю суть. Наши мнения на этот счет точно разнились, ведь она считала маленькие домики достаточно важными, чтобы назвать в честь одного из них своего единственного ребенка.

Люди, собирающие «Счастливую деревню», как правило, немного одержимы ею. Этой теме посвящены конференции, около десятка серьезных веб-сайтов и четыре журнала. Некоторые коллекционеры пытаются оправдаться тем, то фигурки «Деревни» – это инвестиции. Стоят они действительно много, это правда. Особенно пронумерованные. Их можно купить только в шоуруме «Счастливой деревни» в канун Рождества. Мы живем в Ричмонде, штат Вирджиния, то есть всего в 80 км от магазина. Так что каждый год вечером 23 декабря мои родители отправляются туда на машине, загруженной одеялами, стульями и едой – чтобы провести ночь ожидания в очереди.

Раньше производители «Счастливой деревни Санты» создавали сотню пронумерованных фигурок, но в прошлом году сократили их количество до десяти. Вот тогда-то дела и пошли плохо. Даже ста экземпляров было слишком мало, а уж когда их число сократилось в десять раз, в ход пошли когти, и шерсть клоками полетела во все стороны. В прошлом году возникли сложности с сохранением мест в очереди, и они быстро переросли в беспорядки: люди лупили друг друга каталогами «Счастливой деревни», кидались формами для печенья, ломали чужие стулья и выливали теплое какао на праздничные колпаки соперников. Драка вышла настолько массовой и нелепой, что попала в местные новости. Производители «Деревни Санты» пообещали «принять меры», чтобы не допустить подобного в будущем, но я им не поверила. Такую рекламу не купишь за деньги.

Но я не думала об этом, ни когда мои родители уехали занять очередь за фигуркой № 68 – Отелем Эльфов, ни пока пила эггног-латте, коротая время до ухода к Ноа. Я заметила, что родители задерживаются по сравнению с обычным временем прибытия. Обычно ко времени ланча они уже возвращались из магазина, а было почти 4 часа. Чтобы как-то отвлечься, я занялась обычными праздничными обязанностями. Позвонила бы Ноа... но знала: он занят подготовкой к рождественскому приему. Так что просто добавила немного лент и остролиста к его подаркам. Подключила все удлинители «Счастливой деревни Санты», вернув поработанных эльфов к работе. Поставила рождественские песни. И как раз собиралась выйти на крыльцо, чтобы зажечь уличные гирлянды,

когда увидела Сэма, решительным шагом приближавшегося к нашему дому.

Сэм – наш адвокат, и под этой фразой я подразумеваю «наш сосед, который – так уж вышло – является влиятельным адвокатом в Вашингтоне». Сэм – идеальная кандидатура для работы в крупной корпорации или для представления в суде, если с вас пытаются взыскать миллиард долларов. Однако он – не мистер добряк. Только я собиралась предложить ему войти и попробовать один из моих вкуснейших латте, как он пресек мой порыв на корню.

– У меня плохие новости, – произнес он, вводя меня в мой собственный дом. – В «Счастливой деревне Санты» произошел еще один инцидент. Внутри шоурума. Пойдем.

Я решила, он хочет сообщить, что родителей убили – тон у него был именно такой. Представила, как гигантский Отель Эльфов срывается с пьедестала и сметает всех, кто находится на его пути. Я видела фотографии фигурки: ее украсили острыми шпильками из леденцов, которыми можно с легкостью когонибудь пронзить. И если кто и мог погибнуть от Отеля Эльфов, так это мои родители.

– Они под стражей, – сказал Сэм. – Они в тюрьме.

– Кто в тюрьме? – не сразу сообразила я. Мне было гораздо проще поверить, что моих родителей убил Отель Эльфов, чем представить, как их увозят в наручниках.

Сэм смотрел на меня, ожидая, когда до меня дойдет смысл его слов.

– Сегодня утром, когда фигурки вынесли в магазин, случилась еще одна драка, – объяснил он после паузы. – Спор из-за мест в очереди. Твои родители в нем не участвовали, но они не подчинились приказу полицейских освободить пространство. Их взяли вместе с остальными. Задержаны пять человек. Это во всех новостях.

Я почувствовала, как у меня подкашиваются ноги, и опустилась на диван.

– Почему они не позвонили?

– У них был один звонок, – ответил Сэм. – Они связались со мной – думали, я могу их вызволить. Но я не могу.

– Как это – не можете?

Мысль о том, что Сэм не способен вытащить моих родителей из-за решетки, была нелепой. Это как услышать из динамиков голос пилота: «Слушайте, я тут вспомнил – мне не очень хорошо удаются посадки. Я просто летаю по кругу, пока ни у кого не возникнет идеи получше».

– Я сделал всё возможное, – продолжил Сэм, – но судья не идет на уступки. Он устал от проблем со «Счастливой деревней Санты» и хочет всем преподать урок. Родители попросили отвезти тебя на железнодорожную станцию. У меня только час, а к пяти мне надо вернуться к горячему печенью и песнопениям. Как быстро ты можешь собраться?

Он произнес это тем же грубым тоном, которым, вероятно, спрашивал у людей в суде, почему их видели убегающими с места преступления и перепачканными в крови. Он был не в восторге от того, что вынужден заниматься всем этим в канун Рождества. Но немного теплоты Опри здесь точно не помешало бы.

– Собраться? Железнодорожная станция? Что?

– Ты едешь во Флориду к бабушке и дедушке, – сообщил Сэм. – На самолете не получится: все рейсы отменили из-за снежной бури.

– Какой еще бури?

– Джубили, – медленно произнес Сэм, очевидно посчитав, что разговаривает с самым неосведомленным человеком на планете, – скоро начнется самая сильная буря за последние пятьдесят лет!

Мой мозг работал неправильно – он ничего не воспринимал.

– Я не могу поехать, – выдохнула я. – Сегодня я должна встретиться с Ноа. А еще Рождество. Как же Рождество?

Сэм пожал плечами, как бы говоря: Рождество ему не подвластно и правовая система не может ничего с этим поделать.

– Но... почему я не могу просто остаться здесь? Это безумие!

– Родители не хотят оставлять тебя одну на два праздничных дня.

– Я могу пойти к Ноа. Я должна пойти к Ноа!

– Послушай, – ответил он, – всё уже решено. Мы не можем сейчас связаться с твоими родителями – с ними работает полиция. Я купил тебе билет, и у меня не так много времени. Нужно собираться, Джубили.

Я обернулась и взглянула на мерцающий огнями маленький городской пейзаж на столе. На тени обреченных эльфов, работающих в Джубили Холле, теплое сияние, исходящее кондитерской миссис Маггин; на медленно, но радостно ползущий по железной дороге Эльфийский экспресс.

И задала единственный вопрос, который пришел мне в голову:

– Но... как же «Деревня»?

Глава 2

Я первый раз в жизни оказалась в поезде. Он оказался выше, чем я представляла, со вторым этажом, где, наверное, располагались спальные купе. В тусклом свете внутри вагона большинство пассажиров выглядели заторможенными. Я думала, паровоз начнет испускать дым, пыhtеть, а затем тронется со скоростью ракеты: именно так функционировали поезда из мультфильмов, которых я насмотрелась немерено за свое бездарно растраченное детство. Но этот скользнул с места гладко и равнодушно – будто просто устал стоять на месте.

Конечно, я позвонила Ноа, как только мы отправились в путь. Это было грубое нарушение запрета на звонки под девизом «Я буду страшно занят до 6 вечера,

так что увидимся уже на вечеринке», но более смягчающие обстоятельства и придумать сложно. Он взял трубку; на заднем плане слышался веселый шум. Рождественские песни и звук переставляемых тарелок заставили меня лишь сильнее ощутить тоску в этом давящем вакууме поезда.

- Ли, - сказал он. - Сейчас не самое подходящее время. Увидимся через час?

И тихонько крикнул, будто поднял нечто тяжелое. Возможно, один из невероятно больших окороков, которые его матери всегда удавалось достать для Рождественского шведского стола. Должно быть, она покупает их на какой-то экспериментальной ферме, где свиней облучают лазером и держат на суперпрепаратах до тех пор, пока животные не достигнут пятнадцати метров в длину.

- Эм... - замялась я, - в том-то и дело: я не приду.

- В смысле - не придешь? Что случилось?

Внятно, насколько могла, я объяснила ему ситуацию «родители в тюрьме / я в поезде в бурю / жизнь не всегда оправдывает ожидания». Стараясь не сгущать краски, я выставила всё так, будто это даже забавно - в основном чтобы не разрыдаться в темноте вагона на глазах у ошеломленных незнакомцев.

Другой натужный звук. Будто он двигал что-то тяжелое.

- Всё наладится, - сказал Ноа после паузы. - Сэм ведь обо всем позаботится, да?

- Ну, если ты имеешь в виду, что он не вытащит их из тюрьмы, то да. Он как будто даже не обеспокоен.

- Наверное, они в камере предварительного заключения, - заметил Ноа. - Это не так плохо. А раз Сэм не волнуется, всё будет хорошо. Мне очень жаль, что так вышло, но мы увидимся через пару дней.

- Да, но ведь сейчас Рождество. - Голос стал хриплым: я сдержала слезы. Он дал мне минутку.

– Знаю, это тяжело, Ли, – продолжил он через какое-то время. – Но это пройдет. Обязательно. Это просто мелочи жизни.

Знаю, он пытался утешить и успокоить меня, но тем не менее. Мелочи жизни? Ничего себе «мелочь». «Мелочи жизни» – это если у тебя сломалась машина, или ты подхватил желудочный грипп, или если гирлянда заискрила и сожгла твою живую изгородь. Я высказала всё это; он вздохнул, понимая, что я права. И снова крякнул.

– Что происходит? – прогундосила я.

– У меня в руках гигантский окорок, – ответил Ноа. – И мне уже пора бежать. Слушай, мы устроим еще одно Рождество, как только ты вернешься. Обещаю. Найдем время. Не переживай. Позвони мне, как доберешься, хорошо?

Я заверила, что так и сделаю, он положил трубку и скрылся от меня вместе со своим окороком. Я уставилась на затихший телефон.

Из-за отношений с Ноа я сочувствовала людям, состоявшим в браке с политиками. У них вроде бы есть собственная жизнь, но из-за любви к своим партнерам они оказываются втянуты в гигантский водоворот событий. И вот спустя какое-то время они тупо машут и улыбаются в камеру под градом воздушных шаров, а подчиненные их половинок отодвигают их в сторону, освобождая место для неких Важных Идеальных Особ.

Знаю: за фасадом любого совершенства скрываются свои печали и внутренний хаос... но даже с учетом этого Ноа был вполне идеален. Я никогда не слышала о нем дурного слова. Его статус был неоспорим, как гравитация. Сделав меня своей девушкой, он продемонстрировал веру в меня, и я переняла ее. Расправила плечи. Почувствовала себя более смелой и важной, в равной степени положительной. Ему нравилось, когда нас видели вместе; как следствие, мне нравилось, когда видели меня, если в этом есть хоть какой-то смысл.

Да, его гиперответственность иногда доставала меня. Но я относилась к этому с пониманием. Например, к обязанности отнести гигантский окорок матери, потому что скоро в вашем доме на Рождественском приеме соберется шестьдесят гостей. Это просто необходимо сделать. Некоторые вещи нужно принимать как есть. Я достала iPod и потратила оставшийся заряд на просмотр

фотографий Ноа. Батарея села.

В этом поезде мне было одиноко... странное, неправильное чувство, пронизывавшее всю меня. Оно лежало где-то за пределами страха и печали. Еще я ощущала усталость, но не такую, от которой можно избавиться, как следует выспавшись. Было темно и мрачно, но, казалось, включенный свет не исправит ситуацию. Как бы то ни было, я могла лучше проанализировать свое неприятное положение.

Подумала, не позвонить ли бабушке и дедушке. Они уже знали о моем приезде – Сэм сказал, что набрал их, – и были бы рады услышать меня, но мне этого не хотелось. Они прекрасные люди, но любят потрещать. Например, если увидят в буклете супермаркета сообщение о распродаже замороженной пиццы или супа и отправятся в магазин только за ними, всё равно будут стоять там и полчаса обсуждать свой дальнейший план. Если бы я позвонила, каждый аспект моего визита пришлось бы обговорить до малейшей детали. Какое мне нужно одеяло? Я всё еще ем крекеры? Стоит ли купить больше шампуня? Это было очень мило, но немного слишком для моего сознания.

Мне нравится думать, что я умею решать проблемы, а значит, была в состоянии отвлечь себя от хандры. Стала рыться в сумке, проверяя, какие именно вещи в спешке захватила из дома. Оказалось, я совершенно не готова к предстоящему путешествию. Я не забыла самое необходимое – нижнее белье, джинсы, два свитера, несколько рубашек и очки. Но iPod сел, а я взяла с собой только одну книгу – «Нортенгерское аббатство», из списка для чтения на зимних каникулах. Неплохо, но не совсем то, что надо, если уже ощущаешь поднимающуюся панику.

Так что в ближайшие два часа я смотрела в окно, наблюдая, как садится солнце, небо из конфетно-розового становится серебристо-серым – и с него начинают падать первые снежинки. Я знала: это красиво. Но знать нечто и испытывать эмоции по этому поводу – совершенно разные вещи. Мне было всё равно. Снег становился сильнее, падал быстрее, пока не закрыл собой остальное – всё стало белым. Он шел сразу отовсюду, даже снизу. Наблюдая за ним, я почувствовала головокружение.

По проходу шли люди с едой – чипсами, газировкой, сэндвичами. Очевидно, где-то в поезде был источник пищи. На станции Сэм вложил мне в ладонь 50 баксов, каждый из которых будет взыскан с моих родителей, как только они вновь

вдохнут воздух свободы. Мне ничего не оставалось, кроме как подняться и отправиться в вагон-ресторан, где мне быстро сообщили: закончилось всё, кроме тонкой замороженной пиццы, двух маффинов, нескольких батончиков, пакетика орешков и одного несчастного фрукта. Я хотела похвалить то, как отлично они подготовились к праздничному столпотворению, но парень за стойкой и без того выглядел прибитым. Только моего сарказма ему не хватало. Я купила пиццу, батончик, маффины, орешки и горячий шоколад: казалось разумным запастись до конца поездки, раз еду раскупали так быстро. Опустила 5 долларов в кружку для чаевых, и он кивнул с благодарностью. Заняла свободное место за одним из столов, прикрученных к стене. Хоть мы и сбросили скорость, поезд здорово качало. Ветер толкал нас из стороны в сторону. Я не притронулась к пицце и обожгла губы шоколадом. В конце концов, это самое интересное, что теперь могло с ними случиться.

- Не возражаешь, если я здесь присяду? - спросил голос.

Я подняла голову и обнаружила, что рядом стоит исключительно красивый парень. И снова: я отметила это, но мне было всё равно. Хотя ему удалось привлечь больше моего внимания, чем снегу. Его волосы были такими же темными, как мои, но длиннее: мои доходят только до подбородка, а его были собраны в хвост. Высокие скулы выдавали в нем коренного американца. Тонкий джинсовый пиджак явно не мог защитить хозяина в такую погоду. Но что нашло во мне отклик, так это его взгляд: такой напряженный, будто парню тяжело давалось держать глаза открытыми.

- Конечно, - ответила я.

Устраиваясь, он не поднимал головы, однако я заметила, как он смотрит на купленную мной еду. Что-то подсказало мне: его голод гораздо сильнее моего.

- Угощайся. Я купила всё как раз перед тем, как у них закончился товар. Я не настолько голодна. Пиццу вот даже не попробовала.

Уловив его сомнение, я продолжила:

- Понимаю, она выглядит как тарелка для пиццы, но больше у них ничего было. Правда. Возьмите.

– Я Джеб, – представился он, улыбнувшись.

– А я Джули, – ответила я. Не хотелось снова отвечать на: «Джубили? Тебя зовут Джубили? Какое масло ты чаще используешь для работы – ореховое или детское? А кто-то правда протирает шест после каждого выступления?» Ну я объясняла в начале, помните? Большинство людей зовут меня Джули. Ноа называет меня Ли.

– Куда направляешься? – спросил Джеб.

У меня не было никакой легенды о родителях или нормального объяснения, почему я здесь. А правда была слишком шокирующей, чтобы вываливать ее на незнакомца.

– Еду повидаться с бабушкой и дедушкой, – ответила я. – Решила изменить планы в последнюю минуту.

– А где они живут? – поинтересовался он, глядя на кружащийся снег, который бился в окно поезда. Невозможно было сказать, где заканчивается небо и начинается земля. Нас накрыло снежное облако.

– Во Флориде.

– Далеко. Я еду только до Грейстауна, это следующая остановка.

Я кивнула. Слышала о Грейстауне, но понятия не имела, где он находится. Где-то на этом длинном заснеженном пути между мной и неизвестностью. Я снова предложила Джебу еду, но он покачал головой.

– Всё в порядке, – сказал он. – Но спасибо за пиццу. Я умирал с голоду. Неудачный день для путешествия. Но, видимо, выбора не было. Иногда просто нужно принять решение, в котором не уверен...

– К кому направляешься?

Джеб снова опустил глаза и сложил пополам тарелку из-под пиццы.

– Еду навестить свою девушку. Ну вроде того. Я пытался дозвониться ей, но у телефона пропал сигнал.

– У меня есть деление, – сказала я, доставая смартфон. – Позвони с моего. В этом месяце у меня осталось еще много минут.

Джеб взял его с широкой улыбкой. Когда он поднялся со стула, я обратила внимание, насколько он высок и широк в плечах. Если бы я не была так глубоко предана Ноа, оказалась бы в смятении. Он набрал номер, но закрыл телефон, так и не начав разговор.

– Не дозвонился, – бросил он, садясь на место и возвращая трубку.

– Так, – сказала я, улыбаясь, – эта твоя «девушка или вроде того». Ты все еще сомневаешься, встречаетесь ли вы?

Вспомнились времена, когда наш с Ноа роман только начинался, и я постоянно ощущала приятное беспокойство от неуверенности, пара ли мы.

– Она изменила мне, – прямо ответил Джеб.

Ох, неправильно я всё считала. Плохо. Его боль отозвалась в моей груди, честное слово.

– Она не виновата, – продолжил он после паузы. – Не совсем. Я...

Продолжение мне узнать не удалось: дверь вагона распахнулась, и раздался визг, похожий на звук, который издавал Клювер – ужасный какаду с лоснящимися перьями. Мы ухаживали за ним в четвертом классе. Джереми Рич научил птицу говорить «задница». Клюверу нравилось визжать и выкрикивать это слово – и он с этим прекрасно справлялся. Слышно его было даже через весь коридор в туалете для девочек. Со временем какаду переехал в учительскую, где, как мне думается, можно ронять свои сальные перья и кричать слово «задница» сколько влезет.

Но на этот раз противный визг издавал не Клювер, а четырнадцать девиц в одинаковой облегающей форме с надписью «РИДЖ ЧИРЛИДИНГ» на ягодицах

(нанесенной, наверное, для того, чтобы заставить кричать даже их задницы). На гладкой ткани костюмов были написаны их имена. Собравшись вокруг стойки, они галдели, используя всю силу легких. Я на полном серьезе начала молиться, чтобы они в один голос не заорали «О мой бог!» – но мои воззвания не были услышаны. Видимо, бог был полностью занят их клетотом.

– Здесь нет растительного белка! – воскликнула одна из них.

– А я говорила, Мэдисон: съела бы тот зеленый салат, пока была возможность.

– Я думала, у них найдется хотя бы куриное филе!

К моему нескончаемому ужасу, я заметила, что обеих девушек, участвовавших в диалоге, зовут Мэдисон. Более того: трех других звали Эмбер. Я чувствовала себя в ловушке неудачного социального эксперимента – возможно, с участием антропоморфных андроидов.

Несколько девиц обернулись, встав лицом ко мне и Джебу. Ну на самом деле – только к нему.

– О мой бог! – протянула одна из Эмбер. – Разве это не худшая поездка в мире? Вы видели, какой там снег?

А эта Эмбер наблюдательна. Что она заметит следующим? Поезд? Луну? Неоспоримые признаки существования человечества? Собственную голову?

Я не сказала это вслух, так как смерть от руки девушки-чирлидера не совсем согласуется с моими планами покинуть этот мир. Но ко мне Эмбер и не обращалась. Она меня даже не заметила. Ее глаза были прикованы к Джебу. Было отчетливо видно, как роботизированное ядро в ее роговицах проводит фокусировку и выравнивает изображение парня в перекрестии.

– Да, довольно сильный, – вежливо произнес он.

– Мы направляемся во Флориду?

Она произнесла это именно так – с вопросительной интонацией.

– Там наверняка будет лучше, – ответил Джеб.

– Ага. Если доедем. Мы все участвуем в региональных соревнованиях по чирлидингу? Праздники все только усложняют? Но мы все отметили Рождество заранее? Вчера?

В этот момент я заметила: на них всё было как с иголки, всё новенькое. Блестящие телефоны, массивные браслеты и цепочки, которые они перебирали наманикюренными пальцами, айпады, каких я и в глаза не видела.

Эмбер № 1 под села к нам – отточенное движение с сомкнутыми коленями и разведенными пятками. Задорная поза человека, привыкшего быть самым очаровательным в своем окружении.

– Это Джули, – Джеб тепло представил меня нашей новой подруге. Эмбер сообщила мне, что она Эмбер, а затем громко перечислила остальных Эмбер и Мэдисон. Там попадались и другие имена, но для меня все они были Эмбер и Мэдисон. Уж лучше так – у меня оставался хотя бы шанс не ошибиться.

Эмбер затрещала, рассказывая нам о соревнованиях. Ей виртуозно удавалось втягивать меня в диалог и игнорировать одновременно. Кроме того, она сигнализировала мне – из самых глубин подсознания – о ее желании, чтобы я встала и уступила место ее стае. Они захватили всё свободное пространство в вагоне. Половина говорила по телефону, другая – уничтожала запасы воды, кофе и диетической колы.

Я поняла: это не то, что мне сейчас нужно для полноты жизни.

– Вернусь на свое место, – решила я.

Но стоило мне подняться, как поезд резко затормозил, бросив всех нас вперед одним большим всплеском горячих и холодных напитков. Колеса, протестуя, взвыли, еще около минуты скользя по рельсам, а затем мы наконец остановились. Я слышала, как посыпавшиеся с полок чемоданы с грохотом катятся по проходу, а люди падают прямо там, где стояли. Люди вроде меня. Я приземлилась на Мэдисон, ударившись подбородком и щекой. Не уверена, обо что именно, – в это самое мгновение погас свет, спровоцировав тревожные

вопли. Я почувствовала, как чьи-то руки помогают мне подняться, и не было необходимости видеть, чьи они – я знала, что это Джеб.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Да. Кажется.

Свет замерцал, и лампы одна за другой зажглись. Несколько Эмбер изо всех сил цеплялись за стойку. Пол покрывала разбросанная еда. Джеб наклонился поднять остатки своего телефона – две аккуратные половинки. Парень держал их в руках, как раненого птенца.

Динамик захрипел, и из него донесся дрожащий голос – а вовсе не тот уверенный, которым объявлялись следующие остановки:

– Дамы и господа, пожалуйста, сохраняйте спокойствие. Проводники осмотрят пассажиров на предмет полученных травм.

Я прижалась лицом к холодному стеклу, стараясь разглядеть, что происходит снаружи. Мы остановились рядом с широкой многополосной трассой, похожей на дорогу, соединяющую штаты. Высоко над противоположной стороной дороги светился желтый знак. Его было тяжело разглядеть сквозь снег, но я узнала цвет и форму. Это был логотип кафе «Ваффл Хауз». Прямо под окном по сугробам ковылял член экипажа, светя под поезд фонариком.

Дверь нашего вагона открыла проводница – и начала осматривать пассажиров. Она была без форменной шляпки.

– Что происходит? – спросила я, когда она приблизилась. – Кажется, мы застряли.

Она вгляделась в вид за окном, а потом негромко присвистнула.

– Поезд не тронется с места, дорогая, – тихо ответила она. – Мы на подъезде к Грейстауну. Пути полностью завалило снегом. Возможно, к утру пришлют машины «Скорой помощи», но я бы на это не рассчитывала. Как бы то ни было – ты не ранена?

- Нет, - заверила я.

Эмбер № 1 держалась за запястье.

- Эмбер, - окликнула ее другая Эмбер. - Что случилось?

- Вывих, - ответила та, - и сильный.

- Это твое рабочее запястье на прыжке с переворотом!

Шесть чирлидеров попросили меня (на сей раз вербально) подвинуться, чтобы они могли добраться до своей раненой подруги и усадить ее. Джеб оказался заперт в толпе. Свет погас, обогреватель резко выключился, а из динамика снова зазвучал голос:

- Дамы и господа, мы отключим электричество и отопление, чтобы сберечь энергию. Если у вас с собой есть одеяла или свитера, пожалуйста, используйте их. Если кому-то понадобятся дополнительные вещи, чтобы согреться, мы постараемся вас ими обеспечить. Если у кого-то есть лишняя теплая одежда, пожалуйста, поделитесь с другими пассажирами.

Я снова взглянула на желтый знак, а затем - на группку чирлидеров. У меня был выбор: оставаться здесь, в холодном, темном, застрявшем поезде, или что-то предпринять. Я могла взять этот день под контроль, так часто ускользавший от меня сегодня. Несложно будет перейти через дорогу и попасть в «Ваффл Хауз». Наверняка у них есть отопление и уйма еды. Стоило попробовать, тем более я чувствовала: этот проактивный план одобрил бы Ноа. Я аккуратно протиснулась к Джебу сквозь толпу Эмбер.

- Через дорогу от нас кафе «Ваффл Хауз», - сообщила я. - Собираюсь проверить, открыто ли оно.

- «Ваффл Хауз»? - повторил он. - Значит мы почти у городской черты, на шоссе I-40.

- Не сходи с ума, - вмешалась Эмбер № 1. - А если поезд уедет?

– Не уедет, мне только что сказала проводница. Мы застряли здесь на всю ночь. В кафе наверняка есть отопление, еда и место, где можно разместиться. Что еще нам остается?

– Мы можем потренироваться, чтобы согреться, – тихо сказала одна из Мэдисон.

– Ты пойдешь одна? – спросил Джеб. Уверена, он хотел присоединиться, но в тот момент Эмбер так прижималась к нему, будто от него зависела ее жизнь.

– Со мной всё будет в порядке, – заверила я. – Это ведь через дорогу. Дай мне свой номер и...

Он мрачно показал мне свой разбитый телефон. Кивнув, я взяла рюкзак.

– Я недолго. Скоро вернусь, ага? Куда мне еще идти?

Глава 3

Выглянув в холодный тамбур, забитый снегом из-за открытой двери, я увидела нескольких работников поезда, идущих вдоль состава с фонариками. Нас разделяло расстояние в пару-тройку вагонов, так что я решилась.

Крутую металлическую лестницу полностью покрыло снегом. К тому же поезд больше чем на метр возвышался над землей, так что я села на мокрую нижнюю ступеньку и, насколько могла аккуратно, прыгнула вниз. Приземлилась в высоченный сугроб на четвереньки, намочив колготы, но почти не ударившись. Казалось, до кафе недалеко: мы находились менее чем в десятке метров от дороги. Нужно было только добраться до нее, пройти под эстакадой – и я на месте. Минутное дело.

Раньше я никогда не перебегала шестиполосную автостраду. Как-то случая не было. А если бы и представился, я сочла бы идею плохой. Но по дороге не проезжало ни одной машины. Напоминало конец света и начало новой жизни; будто старый уклад остался в прошлом. Путь через трассу занял у меня пять минут – ветер дул с ужасающей силой, а снег застилал глаза. После мне

пришлось преодолеть еще какое-то пространство: то ли газон, то ли участок, покрытый бетоном, то ли еще одну дорогу – сейчас там был просто глубокий снежный покров. Что бы он ни скрывал, оно явно оканчивалось бордюром, о который я споткнулась. До двери я добралась уже полностью покрытая снегом.

Внутри «Ваффл Хауз» было тепло. На самом деле там было так натоплено, что окна запотели, а большие праздничные наклейки, отклеившись, отлетали от стекол. Из динамиков раздавался мягкий рождественский джаз – радостный, как острая аллергическая реакция. Среди ароматов преобладали моющее средство для полов и прогорклое масло, но брезжила и надежда: совсем недавно здесь жарили картошку с луком, и результат был отличным.

С человеческим обществом дела обстояли не лучше. Из кухни доносился разговор двух мужчин, прерываемый хлопками и смехом. В дальнем углу перед тарелкой, полной окурков, сидела женщина, буквально окруженная облаком собственного несчастья. Единственным сотрудником в поле зрения был парень примерно моего возраста, стоявший на страже кассы. Его длинная форменная рубашка «Ваффл Хауз» выбилась из джинсов, а из-под низко надвинутого козырька торчали пряди волос. На его бейдже значилось имя – Дон-Кейн. Когда я вошла, он читал комикс. Мое появление немного оживило его взгляд.

– Привет! – воскликнул он. – Выглядишь замерзшей.

Меткое замечание. Я кивнула в ответ.

Дон-Кейна заела скука – это читалось в его голосе и сутулой позе.

– Сегодня всё бесплатно, – продолжил он. – Можешь заказать, что хочешь, – и повару, и менеджеру зала. Я и тот, и другой.

– Спасибо.

По-моему, он хотел добавить что-то еще, но лишь вздрогнул от смущения, когда из задней комнаты раздался громкий шлепок. Перед одним из барных стульев стояло несколько кофейных чашек и лежала газета. Я подошла к стойке, чтобы занять место чуть поодаль – хотела немного пообщаться. Когда я уселась, Дон-Кейн неожиданно наклонился ко мне:

- Эм, наверное, тебе не стоит...

Он резко замолчал и отступил на несколько шагов: кто-то вышел в зал из туалета. Это был мужчина около шестидесяти с соломенными волосами, небольшим пивным животиком и в очках. Ах да, и он был одет в фольгу – с головы до ног. Имелась даже маленькая блестящая шапочка. У вас такая тоже наверняка есть, ага.

Человек из фольги занял место перед газетами и чашками, приветственно кивнув мне – прежде чем я успела отвернуться.

- Как ваши дела этой ночью? – спросил он.

- Могло быть и лучше, – честно сказала я. Трудно было понять, куда лучше смотреть: ему в лицо или на его блестящее, очень блестящее серебристое тело.

- Плохое время для прогулок.

- О да. – Я сфокусировалась на его блестящем, очень блестящем животе. – Плохое.

- Вас случайно не нужно вытянуть тросом?

- Только если вы можете отбуксировать поезд.

Он на минуту задумался. Всегда неловко, если человек не понимает твоей шутки и реально обдумывает сказанное. Смущение удваивается, если он при этом одет в фольгу.

- Нет, он великоват, – наконец покачал головой мужчина. – Не получится.

Дон-Кейн тоже покачал головой и наградил меня взглядом, кричавшим: «Спасайся, пока можешь, я-то уже обречен».

Улыбнувшись, я постаралась изобразить внезапный всепоглощающий интерес к меню. Казалось, единственно правильным выходом было сделать заказ. Я просматривала листок снова и снова, будто не могла определиться между

сэндвичем из вафель и картофельными оладьями с сыром.

- Выпей кофе, - предложил Дон-Кейн, подходя с чашкой.

Кофе жутко горчил и пах просто отвратительно, но было не время привередничать. В любом случае, думаю, парень просто пытался меня спасти.

- Так ты была в поезде? - спросил он.

- Да. - Я указала на окно.

Дон-Кейн и Человек из фольги дружно обернулись к нему, но буря усилилась и полностью скрыла поезд из виду.

- Нет. - Человек из фольги покачал головой. - Поезд не вытянуть.

Он поправил свои блестящие манжеты, чтобы подкрепить утверждение.

- Это помогает? - спросила я, наконец ощутив необходимость указать на очевидное.

- Это - что?

- Ну это. Вроде как такое надевают бегуны в конце марафона, да?

- Что именно?

- Фольгу.

- Какую фольгу? - удивился он.

На этом я покончила с вежливостью, покинула Дона-Кейна и заняла место у окна, наблюдая, как в него бьются снег и ветер.

Где-то далеко полным ходом шел рождественский фуршет. К этому моменту уже подали все блюда: гигантские окорока, множество индеек, запеченный в

сливках картофель, рисовый пудинг, печенье, четыре вида соленой рыбы...

Иными словами, было не лучшее время для звонка Ноа. Но ведь он сам сказал набрать его, когда я доберусь до места. А дальше сегодня я вряд ли уеду.

Так что я позвонила ему, но меня сразу перевели на голосовую почту. У меня не было заготовлено ни подходящих слов, ни тона. В общем, я остановилась на «Это такая забавная история! Ха-ха!» – и оставила короткое и наверняка совершенно непонятное сообщение: мол, застряла в незнакомом городе рядом с автострадой, в кафе «Ваффл Хауз» с человеком, одетым в фольгу. И, только положив трубку, сообразила: Ноа посчитает сообщение шуткой – очень странной, а мой звонок – попыткой его загрузить. И, вероятно, разозлится.

Я уже собиралась перезвонить ему и более искренним и грустным голосом объяснить, что не шутила... когда почувствовала порыв ветра: открылась дверь, и в кафе вошел еще один человек. Высокий, худой и определенно мужского пола. Об остальном было сложно судить: его голову, руки и ноги окутывали целлофановые пакеты. Итак, в кафе стало двое людей, использовавших в качестве одежды нечто, к ней никак не относящееся.

Грейстаун нравился мне всё меньше.

– Я не справился с автомобилем на Санрайз, – сказал парень всем присутствовавшим сразу. – Пришлось его бросить.

Дон-Кейн понимающе закивал.

– Нужен буксир? – спросил Человек из фольги.

– Нет, спасибо. Там такой снег, не уверен, что смогу снова найти машину.

Без пакетов, которые он снял, парень оказался совершенно нормальным на вид – с мокрыми темными кудрявыми волосами; немного худощавый, в слегка великоватых джинсах. Бросив взгляд на стойку, он направился ко мне.

– Ничего, если я сяду здесь? – тихо спросил он, осторожно кивнув в сторону Человека из фольги. Очевидно, ему тоже хотелось держаться от того подальше.

– Конечно.

– Он безобидный, но бывает слишком болтливым. – Парень по-прежнему говорил еле слышно. – Как-то раз я застрял с ним на полчаса. Он обожает чашки. Может говорить о них бесконечно.

– А он всегда в фольге?

– Думаю, без нее я его не узнаю. Кстати, я Стюарт.

– Я... Джули.

– Как ты сюда попала? – поинтересовался он.

– Мой поезд. – Я указала на снег и темноту за окном. – Мы застряли.

– А куда ты ехала?

– Во Флориду. Навестить бабушку и дедушку. Мои родители – в тюрьме.

Я решила попробовать упомянуть это в диалоге. И получила совершенно неожиданную реакцию: Стюарт рассмеялся.

– Ты одна? – спросил он.

– У меня есть парень.

Честное слово, обычно я не настолько глупа. Просто мой мозг всё еще был настроен на Ноа: я до сих пор обдумывала свое идиотское сообщение.

Уголки губ Стюарта дернулись в попытке сдержать смех. Улыбаясь, он тихонько барабанил по столу, будто старался ускорить окончание неловкой паузы. Мне стоило воспользоваться этим шансом, но я не смогла оставить всё как есть – и решила сгладить конфуз.

– Мне просто нужно ему позвонить, – начала я, чувствуя, как принимаю стартовую позу бегуна на исходной точке безнадежного диалога, – только потому я это и сказала. Но нет сигнала.

Да, я украла историю Джеба. Жаль, конечно, что, пока я толкала речь, телефон лежал прямо передо мной, гордо демонстрируя полный набор делений. Стюарт посмотрел на него, затем – на меня, но промолчал.

Теперь мне реально нужно было отстоять себя. Стало критически важно доказать ему, насколько я нормальная.

– Сигнала не было, – проямлила я. – Ровно до этой секунды.

– Погода, наверное, – милосердно произнес он.

– Похоже на то. Попробую дозвониться сейчас, это быстро.

– Говори, сколько потребуется.

Справедливо. Он сел со мной лишь для того, чтобы избежать долгой беседы о чашках с Человеком из фольги. Не то чтобы мы были привязаны к расписаниям друг друга. Скорее всего, Стюарт был только рад прервать наше общение. Пока я звонила, он снял верхнюю одежду. Под ней оказалась форма служащего компании «Таргет»[3 - Target – компания, управляющая сетью магазинов розничной торговли Target и SuperTarget. (Примеч. пер.)] и еще больше целлофановых пакетов – около дюжины вывалилось из складок куртки. Он собрал их с совершенно невозмутимым видом.

Попав на голосовую почту Ноа, я попыталась скрыть разочарование и отвернулась к окну. Мне не хотелось оставлять жалкое сообщение «вдогонку» при Стюарте, так что я просто дала отбой.

Садясь на место, Стюарт одарил меня взглядом из серии «Ничего?».

– Они, должно быть, заняты Рождественским шведским столом, – объяснила я.

– Рождественским шведским столом?

– Родственники Ноа – косвенно шведы, так что в канун Рождества они организуют потрясающий фуршет.

Я видела, как на слове «косвенно» брови Стюарта поползли вверх. Я часто выражаюсь подобным образом. Это – одна из любимых фишек Ноа, и я подхватила ее у него. Мне не следовало говорить так при посторонних, ведь это наши слова. А еще таких конструкций точно стоит избегать, если ты как раз вознамерилась убедить незнакомца в том, что переросла «Хэппи Мил».

– Все любят фуршеты, – любезно отметил он.

Отлично время, чтобы сменить тему.

– «Таргет». – Я указала на его форму. Вот только произнесла на французский лад – «тарже», что на самом деле не так уж смешно.

– Точно, – ответил он. – Теперь ты понимаешь, почему стоило так рисковать, добираясь на работу. Когда труд так важен, как мой, нужно использовать любой шанс, иначе жизнь общества остановится. Этому парню, кажется, очень нужно позвонить.

Стюарт указал в окно, и я обернулась. Джеб отчаянно старался открыть дверь телефонной кабины, окруженной примерно полуметровым сугробом.

– Бедняга Джеб, – произнесла я. – Стоит дать ему мой телефон. Теперь, когда появился сигнал.

– Разве это Джеб? А, ты права... Постой... откуда ты его знаешь?

– Мы ехали в одном поезде, он сказал, что направляется в Грейстаун. Наверное, он собирается пройти оставшийся путь пешком или что-то в таком духе.

– Кажется, ему действительно очень нужно сделать звонок, – сказал Стюарт, сдвигая кусочек льда на стекле, чтобы лучше разглядеть происходящее за окном. – Почему он просто не позвонит по своему?

– Он разбил его, когда мы врезались.

– Врезались? – повторил Стюарт. – Ваш поезд... врезался?

– Просто в снег.

Стюарт собирался развить эту тему, но тут открылась дверь, и они ворвались внутрь. Все четырнадцать сразу – визжащие, кричащие и несущие с собой снег.

– О боже! – выдохнула я.

Глава 4

Не существует такой плохой ситуации, которую не могут ухудшить четырнадцать гиперактивных чирлидеров.

Понадобилось около трех минут на то, чтобы «Ваффл Хауз» превратился в новый офис юридической фирмы «Эмбер, Эмбер, Эмбер и Мэдисон». Они разбили лагерь в кабинках в противоположном углу. Некоторые кивнули мне, как бы говоря: «О, отлично, ты еще жива», – но большинству из них ни до кого не было дела, кроме себя.

Но это не значит, что никому не было дела до них.

Дона-Кейна будто бы подменили. Сразу после их появления он ненадолго пропал. Из задней части кухни «Ваффл Хауз» донесся крик экстаза, а затем парень снова появился – с сияющим лицом, которое обычно ассоциируется с религиозным прозрением. Взглянув на него, я почувствовала усталость. За его спиной были еще двое ребят – испуганные приспешники, следовавшие за лидером.

– Что вам угодно, леди? – радостно воскликнул Дон-Кейн.

– Мы можем здесь порепетировать поддержки? – спросила Эмбер № 1. Видимо, ее рабочему запястью стало намного лучше. Крутые они, эти чирлидеры. И сумасшедшие. Кто прорывается сквозь бурю, чтобы тренировать поддержки в «Ваффл Хаузе»? Лично я пришла сюда, лишь бы сбежать от них.

– Вы, дамы, – ответил Дон-Кейн, – можете делать всё, что захотите.

Эмбер № 1 понравился такой ответ.

– А ты можешь протереть пол? Только небольшой участок, вот здесь? Чтобы к нашим рукам ничего не прилипло? И подстрахуешь нас?

Он чуть не сломал лодыжку, бросившись в подсобку за шваброй.

Стюарт молча наблюдал за происходящим. На его лице не было сияющего выражения, как у Дон-Кейна и его приятелей, но его радар точно включился. Парень склонил голову набок, будто пытаясь решить сложную математическую задачу.

– Первый раз тут такое вижу, – произнес он.

– Немудрено, – отозвалась я. – А тут можно еще куда-нибудь пойти? Есть «Старбакс» или еще что?

Он почти вздрогнул при упоминании «Старбакса». Видимо, он был одним из противников сетевых заведений, что весьма странно для сотрудника «Таргет».

– Кофейня закрыта, – сказал он. – Вообще всё закрыто. Наверное, «Герцог и герцогиня» еще работает, но это просто круглосуточный магазин. Сегодня канун Рождества, да еще и буря...

Стюарт, наверное, почувствовал мое отчаяние: я начала легонько биться головой об стол.

– Я собираюсь вернуться домой, – продолжил он, протягивая руку через стол, чтобы смягчить удары и не дать мне покалечиться. – Хочешь со мной? По крайней мере, там не идет снег. Моя мама никогда не простит, если я не

предложу тебе убежище.

Я обдумала предложение. Холодный безжизненный поезд – на другой стороне дороги. Моя нынешняя реальность – кафе «Ваффл Хауз», полное чирлидеров, с парнем «рулоном фольги» в придачу. Мои родители – гости штата в сотнях километрах отсюда. Над нами – самая сильная снежная буря за последние 50 лет. М-да, убежище было мне необходимо.

Но трудно было избавиться и от мысли: «Опасайтесь незнакомцев», пронесшейся в голове... Хотя рисковал здесь скорее он. Сегодня мне выпали все возможные странные карты. Я сама бы не взяла себя домой.

– Вот, – сказал Стюарт, – попробую подтвердить свою личность. Это удостоверение сотрудника «Таргет». В компанию не берут абы кого. А вот мои права... Пожалуйста, не смотри на стрижку... Имя, адрес, номер социального страхования – всё здесь.

В довершение шутки он достал карточки из кошелька. Внутри я заметила фото Стюарта с девушкой, сделанное, без сомнения, на выпускном балу. Это развеяло мои опасения. Он нормальный парень, у которого есть пара. И даже фамилия у него имелась – Вейнтроб.

– Далеко до твоего дома? – поинтересовалась я.

– Чуть меньше километра в ту сторону. – Он указал в направлении, где не было абсолютно ничего, кроме бесформенных сугробов: под ними могли скрываться дома, деревья или же фигуры Годзиллы в полный рост.

– Чуть меньше километра?

– Ну это если по короткой дороге. По длинной идти чуть больше двух. Всё не так плохо. Я бы спокойно продолжил путь, но кафе было открыто, и я решил немного согреться.

– Твоя семья точно не будет против?

– Моя мать буквально забудет меня шлангом, если узнает, что я не предложил помощь человеку в канун Рождества.

Дон-Кейн перепрыгнул через кассу со шваброй в руке, чуть не напорвшись на ее ручку, и стал натирать пол под ногами Эмбер № 1. Снаружи Джеб прорвался в будку. Он наглухо окопался в собственной драме. Я была одна.

– О'кей, – сказала я. – Я пойду с тобой.

Вряд ли наш уход заметил хоть кто-то, кроме Человека из фольги. Он сидел спиной к чирлидерам в полнейшем безразличии и помахал нам, когда мы направились к двери.

– Тебе понадобится шапка, – заметил Стюарт, когда мы ступили в холодный вестибюль.

– У меня ее нет – я ехала во Флориду.

– У меня тоже. Но зато есть это...

Он взял целлофановый пакет, надел его на голову, обернул вокруг шеи и заправил концы так, что вышел странноватый, но уютный тюрбан, вздутый сверху. Пакет на голове – вот на что Эмбер, Эмбер и Эмбер вряд ли согласились бы... и мне хотелось доказать, что я не такая. Я храбро накрутила мешок.

– Тебе стоит обмотать ими и руки, – сказал Стюарт, передавая мне еще несколько пакетов. – Не знаю, что делать с твоими ногами. Они, должно быть, замерзли.

Это было правдой, но почему-то мне не хотелось, чтобы он думал, будто я этого не вынесу.

– Нет, – солгала я. – Эти колготки очень плотные. А ботинки... надежные. Но для рук пакеты я возьму.

Он приподнял бровь.

– Ты уверена?

– Абсолютно. – Понятия не имею, почему так сказала. Мне казалось, озвучив правду, я распишусь в собственной слабости.

Стюарту пришлось со всей силы налечь на дверь, чтобы полностью открыть ее при сопротивлении ветра и сугроба у входа. Я не знала, что снег может валить как из ведра. Видела, как он срывается и даже покрывает землю сантиметров на пять, но на этот раз снег был липким и тяжелым, а снежинки достигали размера четвертака. Я промокла буквально за секунды и остановилась в сомнениях на нижней ступеньке. Стюарт обернулся ко мне.

– Ты уверена? – спросил он снова.

Я знала: либо я откажусь здесь и сейчас, либо мне придется пройти весь путь до конца.

Обернувшись назад, я увидела, как три Мэдисон посреди кафе делают пирамиду.

– Да, – решила я. – Пойдем.

Глава 5

Мы выбрались на маленькую заднюю дорожку «Ваффл Хауза», ориентируясь лишь на мигающие каждые пару секунд дорожные знаки, прорезающие наш путь в темноте желтым светом. Шли прямо посередине дороги – опять-таки в духе постапокалипсиса. Уже минут пятнадцать царил тишина. Разговоры отнимали энергию, необходимую для ходьбы, а открытые рты пропускали внутрь холодный воздух.

Каждый шаг становился крошечным испытанием. Снег был очень глубоким и липким: приходилось каждый раз прилагать усилие, чтобы выдернуть ступню из собственного следа. Мои ноги замерзли настолько, что им снова стало тепло. Пакеты на голове и руках оказались эффективной штукой. Когда мы взяли

комфортный темп, Стюарт заговорил.

- А где на самом деле твои родители? - начал он.

- В тюрьме.

- Ага. Ты уже говорила в кафе. Но я спросил, где они на самом деле...

- Они в тюрьме, - ответила я в третий раз.

Мне хотелось закрыть тему. У него было достаточно причин не задавать вопрос снова, но ему явно пришлось поломать голову над моим ответом.

- За что? - спросил он наконец.

- Эм, они участвовали в... беспорядках.

- Они что, протестующие?

- Нет, покупатели, - сказала я. - Их арестовали после беспорядков в магазине.

Стюарт встал как вкопанный.

- Только не говори, что они участвовали в драке за «Счастливую деревню».

- Именно в ней.

- О боги! Так твои родители - в «Счастливой Пятерке Санты»!

- «Счастливой Пятерке Санты»? - тихо переспросила я.

- Сегодня на работе они были главной темой. Думаю, об этом говорил каждый посетитель. Кадры беспорядков весь день крутили в новостях...

Новости? Кадры беспорядков? Весь день? О боже. Класс, класс, класс!
Знаменитые родители – мечта любой девчонки.

– Все обожают «Счастливую Пятерку», – продолжил Стюарт. – Ну, очень многие.
По крайней мере, люди считают происходящее забавным.

Потом он, видимо, понял: мне так не кажется, и именно поэтому я бреду через
незнакомый город в канун Рождества с пакетом на голове.

– Ты не представляешь, какая ты теперь крутая, – произнес он, совершая
гигантский прыжок, чтобы оказаться передо мной. – Сто процентов CNN захочет
взять у тебя интервью. Дочь «Счастливчиков»! Но не переживай. Я разгоню их!

Он начал исполнять сложные па, изображая, как сдерживает репортеров и
мутузит фотографов. Это немного подняло мне настроение. Я тоже вжилась в
роль, прикрывая лицо от вспышек, и мы развлекались так какое-то время. Это
был отличный способ ненадолго спрятаться от реальности.

– Это нелепо, – наконец сказала я, чуть не упав в попытке уклониться от
воображаемого папарацци. – Мои родители в тюрьме из-за керамического
домика Санты.

– Ну это лучше, чем за продажу запрещенных веществ, правда? – ответил
Стюарт, становясь за мной. – Точно ведь.

– Ты всегда такой жизнерадостный?

– Да. Это условие принятия на работу в «Таргет». Я как Капитан Смайли.

– Твоей девушке это наверняка очень нравится!

Я сказала это, только чтобы показаться умной и наблюдательной, и в ответ
ожидала услышать: «Откуда ты знаешь про мою девушку?» И тогда я бы
упомянула фото в его кошельке. А он бы решил, что я прямо Шерлок Холмс и
вовсе не невменяема, как ему показалось при первой встрече в «Ваффл Хаузе».
(Иногда такого вознаграждения приходится подождать, но оно того стоит.)

Однако вместо этого он быстро обернулся ко мне, моргнул, а затем решительно зашагал к дороге. Игривость исчезла: Стюарт был полностью сосредоточен на ходьбе.

- Уже недалеко. Но здесь нам надо принять решение. Отсюда к дому ведут два пути. Можно пойти по дороге, и в этом темпе мы доберемся до места минут через 45. Или напрямик.

- Конечно, напрямик, - тут же ответила я.

- Путь действительно короткий: дорога петляет, а он ведет напрямую. Я бы точно выбрал его, если бы был один, как полчаса назад...

- Пойдем коротким путем, - повторила я.

Стоя посреди бури, пока снег и ветер выжигали кожу на моем лице, а мои руки и голова были обмотаны целлофановыми пакетами, я чувствовала: мне не нужна дополнительная информация. Каким бы ни был этот короткий путь, он не мог быть значительно хуже того, что мы уже прошли. Раз Стюарт и так собирался его выбрать, нет никаких причин отказываться от него из-за меня.

- Хорошо, - ответил он. - В общем, короткий путь пролегает за теми строениями. Мой дом вон там, метрах в двухстах. Я так думаю. Что-то около того.

Мы покинули путь мигающих желтых огней и стали пробираться по совершенно темной дорожке между домами. Я достала из кармана телефон, чтобы проверить его на ходу. Ни одного звонка от Ноа. Хотела сохранить это в тайне, но Стюарт заметил мое разочарование.

- Звонков нет?

- Пока нет. Наверняка он еще занят.

- Он знает о твоих родителях?

- Да, - ответила я. - Я рассказываю ему всё.

– А он тоже?

– Что тоже?

– Ты сказала, что говоришь ему всё, – повторил Стюарт. – Ты не сказала мы всё рассказываем друг другу.

Что это вообще за вопрос?

– Конечно, – быстро ответила я.

– Какой он, кроме того, что «косвенно швед»?

– Умный. Но он не один из тех зубрил, которым постоянно нужно хвастаться средним баллом, намекать на отличные результаты экзаменов, статус в классе или что-то еще. Это просто его черта. Он не очень-то работает на оценки и не очень-то заботится о них. Но он по-настоящему хорош. Играл в футбол. Участвует в соревнованиях по математике. Очень популярный.

Да, я правда это сказала. Да, это звучало, как какая-то продающая речь. Да, Стюарт снова наградил меня ухмылкой из разряда «я очень стараюсь не смеяться над тобой». Но как еще я могла ответить на этот вопрос? Все, кого я знала, были знакомы с Ноа. Они понимали, кто он и что из себя представляет. Мне никогда не приходилось объяснять.

– Отличное резюме. – Стюарт не выглядел впечатленным. – Но каков он?

О боже, у этого разговора было продолжение.

– Он такой... как я только что описала.

– Как человек. Пишет ли он тайком стихи? Танцует ли в своей комнате, когда никто не видит? Он такой же шутник, как ты? Каков он на самом деле?

Стюарт, похоже, просто морочил мне голову этим разговором. Но было что-то в вопросе, шутник ли Ноа. Прозвучало достаточно мило. А ответ был «нет». У Ноа много черт, но чувство юмора – не одна из них. Обычно я вроде бы его

развлекала, но, как вы уже заметили, порой я просто не могу заткнуться. В такие минуты в его лице читалась усталость.

- Он сильный, - подобрала я слово. - На самом деле он сильная личность.

- Это добрая сила?

- Стала бы я с ним встречаться, если нет? Далеко еще?

На этот раз до Стюарта дошло, и он замолчал. Мы молча двинулись дальше, пока не оказались на голом пространстве, где торчало всего несколько деревьев. Вдалеке, на вершине холма, я увидела еще несколько домов. Различила даже мерцание праздничных гирлянд, но сильный снегопад размывал все очертания. Сказала бы даже, что было красиво, если бы меня так сильно не жалили снежинки. Тут я заметила: мои руки настолько замерзли, что непроизвольно согнулись и почти горели. Ноги были не в лучшем состоянии.

Стюарт протянул руку, останавливая меня.

- Так, мне нужно кое-что пояснить, - сказал он. - Нам надо перейти небольшой ручей. Он замерз - не так давно я видел, как люди катались на нем.

- Он глубокий?

- Не очень. Может, метра полтора.

- Где он?

- Где-то перед нами.

Я оглядела белое пространство. Где-то там, под снегом, прятался маленький поток воды.

- Мы можем пойти обратно, - предложил Стюарт.

- Ты собирался идти этим путем, несмотря ни на что? - спросила я.

- Да, но тебе не нужно ничего мне доказывать.

- Всё в порядке. - Я старалась вложить в ответ больше уверенности, чем испытывала.

- Что, просто идем дальше?

- Таков план.

И мы пошли. Поняли, что достигли ручья, когда снег стал менее глубоким, а под ногами стало непривычно скользко по сравнению с оставшимся позади плотным хрустящим настилом. Тут Стюарт решил возобновить беседу:

- Тем ребятам в «Ваффл Хауз» так повезло. Вот-вот начнется лучшая ночь в их жизни.

Нечто в его тоне прозвучало как вызов, будто он закидывал мне наживку. И мне не стоило ее заглатывать. Но я, конечно, клюнула.

- Боже, - закатила я глаза, - почему все парни настолько просты?

- Насколько? - Он покосился на меня, поскользнувшись при этом.

- Чтобы считать тех ребят везучими.

- Потому что... они застряли в кафе с дюжиной чирлидеров?

- Откуда взялась эта самонадеянная фантазия? - сказала я, пожалуй, чуть резче, чем собиралась. - Парни реально считают, что, как только они окажутся единственными представителями мужского пола в комнате, девушки тут же залезут на них? Будто мы рыщем в поисках одиноких выживших и вознаграждаем их сеансами групповых поцелуев?

- А происходит не так? - уточнил Стюарт.

Я даже не удостоила это замечание ответом.

– И вообще, что плохого в чирлидерах? – спросил он, явно наслаждаясь тем, как расшевелил меня. – Я не говорю, что мне нравятся только чирлидеры. Просто отношусь к ним непредвзято.

– Это не предвзятость, – сказала я твердо.

– Нет? Тогда что?

– Это сама идея чирлидерства, – ответила я. – Девушки в коротких юбках на краю поля, рассказывающие парням, насколько те круты. Избранные за внешность.

– Ну не знаю, – насмешливо произнес Стюарт. – Осуждать группу людей, которых не знаешь, строить предположения, говорить об их внешности... звучит, как предвзятость, но...

– Я не предвзята! – прокричала я, не в силах контролировать свою реакцию. В тот момент вокруг нас было так темно. Наверху – туманное оловянно-розовое небо. По сторонам – лишь силуэты голых деревьев, похожие на тонкие руки, вырывающиеся из-под земли. Впереди – бесконечный белый покров и клубящиеся хлопья, одинокий свист ветра и тени домов.

– Слушай, – продолжил Стюарт, не желая прерывать эту раздражающую игру, – откуда ты знаешь, что в свободное время они не занимаются волонтерством или чем-то таким? Может, они спасают котят, или помогают в приютах, или...

– Потому что они не занимаются этим. – Я обогнала его; чуть поскользнулась, но сохранила равновесие. – В свободное время они делают эпиляцию.

– Ты этого не знаешь! – крикнул он сзади.

– Ноа мне не пришлось бы это объяснять, – бросила я. – Он бы просто понял.

– Знаешь, – ответил Стюарт ровным тоном, – несмотря на то, каким прекрасным ты считаешь этого Ноа, меня он сейчас не впечатляет.

Это стало последней каплей. Я развернулась и уверенно зашагала в обратном направлении.

- Ты куда? - закричал Стюарт. - Ой, да ладно...

Он старался сделать вид, будто ничего не произошло, но мое терпение закончилось. Я изо всех сил топала ногами, чтобы сохранять устойчивость.

- Обратно идти далеко, - сказал он, догоняя меня. - Не надо. Seriously.

- Прошу прощения. - Мой голос звучал безразлично. - Я только поняла, что будет лучше, если я...

Раздался шум. Новый звук прорвался сквозь завывания и свист льда и снега. Это был хруст, так похожий на потрескивание бревна в костре - какая неприятная ирония. Мы оба резко остановились. Стюарт с тревогой посмотрел на меня.

- Не двигайся...

А потом земля ушла у нас из-под ног.

Глава 6

Возможно, вы никогда не падали в ледяной поток. Вот как это происходит.

1. Вам становится холодно. Настолько, что, получив данные об этом, Департамент распознавания и регулирования температуры в вашем мозгу объявляет: «Я не могу работать с этим. Я ухожу», вешает на дверь табличку «Обед» и передает все полномочия...

2. Департаменту боли и ее обработки. Он получает из отдела температуры всю эту непонятную чепуху и говорит: «Это не наша работа». Поэтому он просто начинает нажимать случайные кнопки, наполняя вас странными неприятными ощущениями, и звонит в...

3. Офис смятения и паники, где всегда есть кто-то, готовый взять трубку. По крайней мере, там хоть что-то делают. В офисе смятения и паники любят жать на кнопки.

Так что в течение доли секунды мы со Стюартом не могли ничего сделать из-за этой бюрократической волокиты в головах. Немного оправившись, я оценила ситуацию. Хорошая новость: воды было по грудь. Ну это мне. Стюарту она доходила до середины живота. Плохая новость: мы оказались в дыре, из которой довольно сложно выбраться, если тебя парализовало от холода. Мы оба попробовали опереться на лед, но под давлением он только ломался.

Мы инстинктивно схватились друг за друга.

- Т-так, - сказал Стюарт, сильно дрожа. - Х-холодно. И плохо.

- Что, правда? - заорала я. Вот только в легких было слишком мало воздуха для крика, а потому звук оказался похож на жуткое шипение.

- Нам... н-нужно... с-слом-мать его.

Эта идея приходила и мне в голову, но, высказанная вслух, она обнадеживала. Жесткими, как у роботов, руками мы стали колотить по льду, пока не достигли толстого слоя. Здесь было мельче, но ненамного.

- Я подсажу тебя, - сказал Стюарт. - Становись.

Попытавшись пошевелить ногой, я столкнулась с ее полным отказом сотрудничать. Мои конечности онемели и больше не могли двигаться. Я как-то заставила их одуматься, но, оказалось, у Стюарта так замерзли руки, что он не смог меня поддержать. Только после нескольких попыток мне удалось найти точку опоры.

Едва оказавшись на льду, я сделала важное открытие: он - скользкий и, следовательно, удержаться на нем очень сложно, особенно с мокрыми целлофановыми пакетами на руках. Я потянулась обратно, помогла выбраться Стюарту - и он плашмя плюхнулся рядом.

Мы выбрались. И, как ни странно, снаружи оказалось хуже, чем внутри.

– Н-не... тк... дал... ко, – выдавил из себя Стюарт, но его слова было трудно разобрать. Казалось, у меня дрожат легкие. Он схватил меня за руку и потянул к дому на вершине холма. Если бы он не тащил меня, я бы никогда не осилила подъем.

Еще ни разу в жизни я не чувствовала такого счастья при виде дома, подсвеченного зелеными огнями с вкраплениями красных. Задняя дверь была не заперта, и мы вбежали в рай. Это оказалось не самое потрясающее строение, в котором мне доводилось бывать, – просто теплое помещение, в котором чувствовались ароматы запеченной индейки, печенья и еловых ветвей.

Стюарт всё еще тянул меня, пока мы не оказались перед дверью, как оказалось, – в ванную с прозрачной душевой кабиной.

– Вот. – Он подтолкнул меня. – Душ. Сейчас. Теплая вода.

Дверь захлопнулась, и я услышала удаляющиеся шаги. Быстро скинув с себя всё, я потянулась к дверце кабинки. Моя одежда, напитавшаяся водой, снегом и грязью, была пугающе тяжелой. Я долго стояла под душем, прижавшись к стене и позволяя комнате наполняться паром. Температура воды несколько раз менялась – вероятно, потому, что Стюарт тоже стоял под струями где-то в другой части дома.

Я выключила воду, только когда она начала остывать. Выйдя в ванную, наполненную густым паром, я обнаружила: моя одежда исчезла. Кто-то незаметно для меня извлек ее из комнаты, а вместо нее приготовил два больших полотенца, спортивные штаны, свитшот, носки и тапочки. Все вещи, кроме носков и обуви, были мужскими. Первые оказались толстыми и розовыми, а тапки – сильно потрепанными белыми пушистыми ботинками.

Я схватила ближайшую вещь – свитшот – и прижала к своему голому телу, хотя, очевидно, была в комнате одна. Кто-то заходил. Кто-то шнырял тут, заменяя мою одежду сухой. Стюарт позволил себе войти, пока я стояла в душе? Видел меня в чем мать родила? Было ли мне до этого дело прямо сейчас?

Я быстро оделась, натянув на себя каждую оставленную вещь. Приоткрыла дверь – и выглянула наружу. Кухня оказалась пуста. Я распахнула дверь шире, и внезапно из ниоткуда появилась женщина. Она была возраста моей мамы, с кудрявыми светлыми волосами, – пергидрольными, будто окрашивали их дома. На ней был свитер с изображением двух обнимающихся коал в шапках Санты. Но единственное, что действительно заботило меня, – дымящаяся кружка в ее руках.

– Бедная девочка! – выпалила она. Она была очень громкой – очевидно, одной из тех, кого с легкостью можно услышать с дальнего конца парковки. – Стюарт наверху. Я его мама.

Я приняла кружку. Если бы в ней был горячий яд, я бы все равно его выпила.

– Бедная девочка, – повторила женщина. – Ни о чем не волнуйся. Мы тебя согреем. Извини, не нашла более подходящей одежды. Эта – Стюарта, причем единственная чистая, что я нашла. Твои вещи я закинула в стирку, а обувь и куртка сушатся на батарее. Если тебе нужно кому-нибудь позвонить, почувствуй себя как дома. И не переживай, если это межгород.

Так прошло мое знакомство с мамой Стюарта («Называй меня Дебби»). Я встретила ее двадцать секунд назад, а она уже видела мое нижнее белье и предложила мне одежду сына. Она мгновенно усадила меня за кухонный стол и стала доставать из холодильника бесконечные тарелки, затянутые пленкой.

– Рождественский ужин прошел, пока Стюарт был на работе, но я сделала кучу всего. Кучу! Налетай!

Еды было много: индейка и картофельное пюре с подливкой, фаршированные яйца и другие закуски. Дебби извлекла буквально всё и настояла на том, чтобы наполнить мою тарелку, поставив рядом кружку куриного супа с клецками. К тому моменту я сильно проголодалась – есть хотелось, как никогда в жизни.

На пороге появился Стюарт. Как и я, одет он был во все теплое. Снизу – фланелевые пижамные штаны, сверху – растянутый свитер с косами. Не знаю... может, это было чувство благодарности, всепоглощающая радость от того, что я жива, или отсутствие мешка на его голове... но он показался мне симпатичным. И всё мое прежнее раздражение испарилось.

- Устроишь Джули на ночлег, - сказала ему мама. - Не забудь выключить елочную гирлянду, чтобы та ее не будила.

- Простите... - начала было я. До меня только сейчас дошло: я вторглась в их жизни в самое Рождество.

- Не извиняйся! Я рада, что тебе хватило здравого смысла прийти сюда! Мы о тебе позаботимся. Подготовь ей достаточно одеял, Стюарт.

- Одеяла непременно будут, - заверил ее сын.

- Одно ей не помешает прямо сейчас. Смотри: она дрожит. Как и ты. Садись.

Женщина скрылась в гостиной. Стюарт поднял брови, как бы говоря: «Придется это перетерпеть». Его мама вернулась с двумя флисовыми пледами. Я завернулась в один из них - мягкий и голубой. Дебби закутала меня в него, будто младенца, так что стало трудно двигать руками.

- Вам нужно больше горячего шоколада, - сказала она. - Или хотите чай? У нас какого только нет.

- Mam, я разберусь, - ответил Стюарт.

- Еще супа? Ешьте суп. Он домашний, а домашний куриный суп - это же природный пенициллин. Замерзнув, вы оба...

- Mam, я разберусь.

Дебби взяла мою наполовину пустую кружку с супом, заполнила ее доверху - и поставила в микроволновку.

- Стюарт, расскажи ей, где что находится. Джули, если захочешь что-то посреди ночи, просто возьми. Чувствуй себя как дома. Ты теперь одна из нас.

Я оценила порыв, но формулировку сочла весьма странной.

Глава 7

Несколько тихих мгновений после ухода Дебби мы со Стюартом молча набивали животы. У меня было чувство, что на самом деле женщина не ушла – я так и не услышала звука удаляющихся шагов. Кажется, Стюарт тоже так думал: он продолжал озираться по сторонам.

– Суп просто восхитительный, – сказала я, посчитав это прекрасным замечанием для подслушивания. – Никогда такого не пробовала. Эти клецки...

– Видимо, ты просто не еврейка. – Стюарт поднялся и закрыл раздвижные кухонные двери. – Это клецки из мацы.

– Ты еврей?

Стюарт поднял палец, показывая: мне стоит подождать. Он немного погремел дверью – и послышался дробный звук быстрых скрипучих шагов, будто кто-то старался оперативно, но бесшумно подняться по ступенькам.

– Прости, – сказал он. – Подумал, у нас компания. Наверное, мыши. Да, моя мать еврейка, так что – технически – я тоже. Но она немного помешана на Рождестве. Думаю, она так старается, чтобы вписаться. И иногда перегибает палку.

Кухня была полностью оформлена по сезону. Полотенца для рук, крышка тостера, магниты на холодильнике, занавески, скатерть, украшение стола... чем больше я оглядывалась, тем больше Рождества видела.

– Ты заметила искусственный электрический венок из остролиста на входе? – спросил Стюарт. – Такими темпами наш дом никогда не попадет на обложку журнала «Евреи Юга».

– Тогда почему...

Он пожал плечами.

– Потому что так поступают люди. – Стюарт взял еще кусочек индейки, сжал и отправил в рот. – Особенно в этих краях. Здесь не то чтобы процветает еврейская община. На курсы иврита, кроме меня, ходила только одна девочка.

– Твоя девушка?

Что-то изменилось в его лице: на лбу собрались морщинки, а рот дернулся – как я предположила, от сдерживаемого смеха.

– То, что нас было двое, не означало, что мы должны стать парой, – сказал он. – Никто не говорил: «О, вы оба евреи! Танцуйте!» Нет, она не моя девушка.

– Прости, – поспешила ответить я. Уже второй раз я упоминала его девушку в попытке проявить наблюдательность, и снова он отменил мое предположение. Хватит. Больше никаких домыслов. Очевидно, он не хотел о ней говорить. Что было немного странно... Он казался парнем, который станет охотно рассказывать о своей половинке семь часов подряд. Создавал такое впечатление.

– Всё в порядке. – Он снова потянулся за индейкой, всем своим видом показывая, что уже забыл о том, насколько туго я иногда соображаю. – Похоже, людям нравится наше соседство. Это добавляет изюминку. У нас тут есть детская площадка, установка для переработки отходов и две еврейские семьи.

– Но разве это не странно? – спросила я, взяв в руку солонку в виде снеговика. – Все эти рождественские украшения?

– Возможно. Но ведь это просто большой праздник! Всё настолько фальшиво, что в целом выглядит нормальным. Моей маме просто нравится отмечать – любой повод. Наши родственники, живущие в других местах, удивляются, когда мы ставим елку. Но ели – это красиво. И дерево – еще не религия.

– Правда, – согласилась я. – А что думает твой отец?

– Понятия не имею. Он здесь не живет.

Стюарт не выглядел обеспокоенным этим фактом. Он отбарабанил еще один рваный ритм по столешнице, завершая тему, и встал.

- Подготовлю всё к твоей ночевке, - произнес он. - Скоро вернусь.

Я тоже поднялась, чтобы осмотреться. В комнате было аж две рождественские ели: крошечная - на главном окне, и большая, не меньше двух с половиной метров в высоту, - в углу. Ветви практически склонялись к земле под тяжестью украшений ручной работы, множества гирлянд и, наверное, десяти коробок мишуры.

В гостиной стояло пианино, заваленное открытыми нотами с рукописными пометками на страницах. Я не играю ни на одном инструменте, так что любая музыка кажется мне сложной, но эта выглядела даже еще более запутанной. Кто-то здесь знал, что делает. И пианино не было просто частью обстановки.

Однако мое внимание привлекло нечто, стоявшее на пианино. Она была меньше, не такая сложная технически, как наша, но это определенно была «Счастливая деревня Санты», обрамленная небольшим заборчиком из гирлянды.

- Ты наверняка знаешь, что это. - Спустившийся со второго этажа Стюарт сбросил на диван целый ворох одеял и подушек.

Конечно, я знала. У них было пять фигурок: Кафе Веселого человека, Магазин мармелада, Магазин радости, Эльфатерия и Кафе-мороженое.

- Наверняка у вас больше экземпляров, - отметил Стюарт.

- У нас их пятьдесят шесть.

Он присвистнул и потянулся включить «Деревню». В отличие от нас у них не было модной системы, позволявшей «зажечь» все дома сразу. Ему пришлось щелкнуть тумблерами на всех фигурках, пробуждая их к жизни.

- Моя мама думает, они чего-то стоят, - продолжил он. - Обращается с ними, как с драгоценностями.

– Они все так думают. – Я сочувственно кивнула.

Я осмотрела коллекцию взглядом эксперта. Обычно я не афиширую этот факт, но по очевидным причинам я много чего знаю о «Счастливой деревне Санты». Я бы снискала успех на любой тематической выставке.

– Ну, вот эта, – я указала на Кафе Веселого человека, – действительно кое-чего стоит. Видишь, дом кирпичный и с зелеными ставнями? Это фигурка первого поколения. На второй год они сделали ставни черными.

Я бережно взяла ее в руки и осмотрела снизу.

– Она без номера, но все равно... хорош каждый экземпляр первого поколения с видимыми отличиями. Они отказались от производства Кафе Веселого человека пять лет назад, и это тоже немного поднимает его стоимость. Его можно было бы продать долларов за четыреста, только вот дымоход, кажется, откололся и приклеен на место.

– О да, это моя сестра.

– У тебя есть сестра?

– Рейчел. Ей пять. Не переживай, еще познакомитесь. И это было просто восхитительно.

– По мне, так «восхитительно» – не совсем верное слово. Скорее, грустно.

Он выключил подсветку всех домиков.

– Кто играет на пианино? – поинтересовалась я.

– Я. Это мой талант. Думаю, у каждого он есть.

Стюарт скорчил забавную рожицу, заставив меня рассмеяться.

– Тебе не стоит пренебрегать им, – посоветовала я. – Колледжи ценят тех, у кого есть музыкальные навыки.

Господи, это прозвучало так... Ну будто я одна из тех, кто все делает только для того, чтобы понравиться окружающим. Тут меня осенило: это же цитата Ноа. Никогда раньше не задумывалась, насколько она отвратительна.

– Прости, – сказала я. – Просто устала.

Он отмахнулся от моих слов, будто они не требовали пояснений или извинений.

– Это любят и матери. А еще соседи, – ответил он. – Я что-то вроде дрессированной обезьянки этого района. К счастью, мне самому нравится играть, а значит, всё сложилось. Итак... вот твои простыни и подушки и...

– Я в порядке. Всё отлично. Правда, большое спасибо, что позволил мне остаться.

– Как я и сказал – никаких проблем.

Стюарт развернулся, чтобы уйти, но остановился посередине лестницы.

– Слушай, – начал он. – Прости за мое мерзкое поведение, тогда, пока мы шли. Это просто...

– Поход через бурю, – закончила я. – Знаю. Было холодно, и мы ворчали. Не переживай. И ты меня прости. И спасибо.

Он выглядел так, будто хотел что-то добавить, но просто кивнул и продолжил шагать по ступенькам. Я слышала, как он поднялся наверх, а затем спустился на несколько шагов и перегнулся через перила.

– Счастливого Рождества, – добавил он, перед тем как исчезнуть.

Вот тут-то меня и накрыло; глаза наполнились слезами. Я скучала по родным. Скучала по Ноа. По дому. Эти люди сделали всё, что могли, но они – не моя семья. Стюарт – не мой парень. Я долго ворочалась на диване под храп собаки

где-то наверху (думаю, это была собака), слушая, как очень громко тикающие часы сожгли два часа.

Это было просто невыносимо.

Я отправилась на поиски своей куртки, в кармане которой был мой телефон, и обнаружила ее на батарее в прачечной среди другой верхней одежды. Кажется, моему смартфону пришлось не по душе погружение в холодную воду. Экран был выключен: неудивительно, что он не подавал никаких сигналов.

Я тихонько проскользнула в кухню, где стоял городской телефон, сняла трубку с базы и набрала номер Ноа. Он ответил после четвертого гудка. Голос – ошарашенный, уставший и низкий.

– Ноа, это я.

– Ли? – прохрипел он. – Сколько времени?

– Три часа утра, – ответила я. – Ты мне так и не перезвонил.

Раздались сопящие звуки, будто он пытался прийти в себя.

– Прости. Я был занят весь вечер. Ты же знаешь мою маму и рождественский прием. Можем поговорить завтра? Я позвоню тебе, как только мы закончим открывать подарки.

Я молчала. Я прошла через самую сильную снежную бурю этого года (многих лет), провалилась в ледяной ручей; мои родители в тюрьме... и он всё еще не мог поговорить со мной?

Но... у него был трудный вечер, и вываливать на него, такого сонного, мою историю прямо сейчас казалось пустой тратой времени. Сложно сочувствовать другим, когда тебя будят, а для рассказа мне было нужно сто процентов его внимания.

– Конечно, – согласилась я. – Завтра.

Я забралась обратно в свое логово из подушек и одеял. От них исходил сильный незнакомый запах. Не неприятный – просто очень насыщенный аромат моющего средства, которым я раньше не пользовалась.

Иногда я не понимала Ноа. Порой даже чувствовала, будто наши отношения – часть его плана, один из пунктов, которые надо отметить галочкой: «Есть ли у вас достаточно умная девушка, разделяющая ваши стремления и принимающая вашу ограниченную доступность? Она с готовностью слушает, как вы часами говорите о своих достижениях?»

Нет. Это во мне говорили холод и страх. Всё потому, что я находилась в странном месте вдали от семьи. А еще стресс из-за ареста родителей в беспорядках, спровоцированных керамическими домиками. И если я посплю, мой мозг вернется к нормальной работе.

Я закрыла глаза – и мир взметнулся снежным вихрем. На секунду у меня закружилась голова, и я почувствовала, как меня мутит, но потом быстро, очень быстро уснула. Снились мне сэндвичи из вафель и чирлидеры, отрабатывающие поддержки на столах.

Глава 8

Утро пришло в виде пятилетки, запрыгнувшей мне на живот. От удара я распахнула глаза.

– Кто ты? – взволнованно спросила девочка. – Я Рейчел.

– Рейчел! Перестань по ней прыгать! Она спит!

Это был голос мамы Стюарта.

Рейчел оказалась веснушчатой уменьшенной копией Стюарта со страшно растрепанными волосами и широкой улыбкой. От нее пахло хлопьями, и ей явно стоило помыться. Дебби тоже была здесь – с чашкой кофе в руках включала фигурки «Счастливой деревни». Со стороны кухни показался Стюарт.

Ненавижу просыпаться и обнаруживать, что вокруг меня шныряли люди, видевшие меня спящей. К сожалению, это случалось часто. Меня из пушки не разбудишь. Как-то я проспала вой пожарной сигнализации. Оравшей у меня в спальне. Три часа подряд.

– Мы решили повременить с открытием подарков, – сообщила Дебби. – Так что этим утром можем просто спокойно позавтракать и поболтать!

Это было явно из-за меня, ведь подарков для меня не готовили. Лицо Рейчел выглядело так, будто сейчас расколется надвое – как перезрелый фрукт. Стюарт взглянул на мать, будто сомневаясь, насколько хороша эта идея.

– Кроме подарков Рейчел, конечно, – быстро добавила Дебби.

Удивительно, как быстро может меняться настроение маленького ребенка. За время обычного чиха девочка переключилась с беспросветного отчаяния на дикий восторг.

– Нет. – Я покачала головой. – Вам, ребята, тоже стоит.

Улыбаясь, Дебби уверенно закивала.

– Мы со Стюартом можем подождать. Почему бы тебе не пойти и не приготовить к завтраку?

Я понуро поплелась в ванную, чтобы провести хотя бы косметический утренний ремонт. Волосы выглядели так, будто пробовались на роль в школу клоунов, а обветренная кожа потрескалась. Я постаралась выжать максимум из холодной воды и декоративного мыла для рук, но, надо сказать, это не особо улучшило ситуацию.

– Хочешь позвонить родным? – спросила Дебби при моем появлении. – Пожелать им счастливых праздников?

Я поймала себя на том, что взглядом прошу у Стюарта помощи.

– Это будет трудно, – сказал он. – Они в «Счастливой Пятерке».

Я бы многое отдала, чтобы скрыть этот факт. Но Дебби он, похоже, не огорчил. Наоборот: ее глаза загорелись, будто она только что встретила знаменитость.

– Твои родители участвовали в этом? – переспросила она. – О, почему ты не сказала? Я обожаю «Счастливую деревню Санты». И это так глупо – отправлять их в тюрьму. «Счастливая Пятерка»! О, уверена, им разрешат поговорить по телефону с дочерью! Рождество ведь! Не убили же они никого.

Стюарт посмотрел на меня с пониманием, будто говоря: «Я предупреждал».

– Даже не знаю, в какой они тюрьме. – После этих слов я почувствовала укол вины. Родители прозябали в камере, а я даже не знала где.

– Ну, это довольно легко выяснить. Стюарт, поищи в интернете. Это точно было в новостях.

Он уже направлялся к выходу, сообщив, что займется этим.

– Стюарт – волшебник в подобных вопросах, – отметила Дебби.

– В каких?

– О, он может найти в интернете что угодно.

Дебби была одним из тех родителей, которые еще не до конца уловили: нет ничего волшебного в пользовании интернетом и мы все можем что угодно найти в сети. Вслух я ничего не сказала: не хотелось тыкать человека носом в некое очевидное упущение.

Стюарт вернулся с номером телефона, и Дебби набрала его.

– Я заставлю их разрешить тебе поговорить с родителями, – сказала она, прижимая трубку к уху. – Они понятия не имеют, насколько настойчивой... О, здравствуйте!

Похоже, люди на том конце пытались спорить с Дебби, но она их одолела. Сэм был бы впечатлен. Она передала мне трубку и с улыбкой вышла из кухни. Стюарт подхватил извивающуюся Рейчел и вынес ее за дверь.

– Джубили? – услышала я мамин голос. – Милая! Ты в порядке? Добралась до Флориды? Как бабушка и дедушка? О, милая...

– Я не во Флориде. Поезд не доехал. Я в Грейстауне.

– В Грейстауне? – переспросила она. – Добрались только до него? О, Джубили... где ты? Ты в порядке? Ты еще в вагоне?

Был неподходящий момент, чтобы пересказывать все события последних двадцати четырех часов, так что я сократила историю и сгладила углы:

– Поезд застрял. Нам пришлось его покинуть. Я встретила кое-каких людей. И осталась в их доме.

– Людей? – В мамин голос сквозили беспокойство и сомнение, не связалась ли я с наркоторговцами и растлителями. – Что это за люди?

– Хорошие, мам. Мать и двое детей. У них есть коллекция «Счастливой деревни Санты». Не такая большая, как наша, но некоторые фигурки такие же. У них есть Магазин мармелада с полной выкладкой. И Пекарня. И даже Кафе Веселого человека первого поколения.

– О, – с облегчением выдохнула мама.

Думаю, по мнению моих родителей, чтобы попасть в команду «Счастливой деревни», необходимо обладать положительным моральным обликом. Асоциальные личности не будут тратить время на то, чтобы с любовью расставлять имбирных человечков на витрине Пекарни. И всё же многие именно это посчитали бы признаком чьего-то легкого помешательства. Видимо, что для одного человека – безумие, для другого – здравый смысл. К тому же было довольно хитро описать Стюарта как одного из двоих детей, а не как «парня, с которым я познакомилась в «Ваффл Хаузе», когда у него на руках были целлофановые пакеты».

- Ты еще там? - спросила мама. - А как же поезд?

- Думаю, всё еще стоит на месте. Вчера вечером он въехал в сугроб, электричество и отопление выключили. Потому мы и ушли.

Опять-таки умно было сказать «мы» вместо «только я, и мне пришлось пересекать шестиполосную автостраду в метель». Но я ведь не солгала. Джеб с многочисленными Эмбер и Мэдисон прошли тем же путем, как только я проторила дорогу. Быть шестнадцатилетним подростком - значит виртуозно уметь редактировать диалоги.

- Что... - как правильно задать своей маме вопрос: «Что там в тюрьме?»

- Мы в порядке, - храбро откликнулась она. - Мы... О, Джули, милая. Прости меня за всё это. Мне очень, очень жаль. Мы не хотели...

Я слышала: она вот-вот расклеится. А за ней раскисну и я.

- У меня всё хорошо, - прервала я маму. - Эти люди действительно хорошо обо мне заботятся.

- Можно с ними поговорить?

«С ними» - значит, с Дебби, которую я и позвала. Она взяла телефон, и у них состоялся один из тех разговоров матери с матерью, где они проявляют беспокойство о детях и делают понимающие лица. Дебби хорошо подготовилась к успокоительной беседе с моей мамой; слушая ее, я узнала: она не отпустит меня никуда еще хотя бы сутки. Я слышала, как она отмела идею о том, что мой поезд куда-либо отправится и у меня есть хоть мало-мальский шанс добраться до Флориды.

- Не волнуйтесь, - сказала она моей маме. - Мы хорошо позаботимся о ней. У нас куча вкусной еды, и ваша девочка будет в тепле и уюте, пока всё не прояснится. Мы устроим ей отличные каникулы, обещаю. А потом сразу же отправим ее обратно к вам.

Последовала пауза, во время которой мама произносила слова сестринской благодарности.

– Это вообще не проблема! – снова вступила Дебби. – Она просто прелесть. И разве не в этом суть праздников? Вы пока просто берегите себя. Мы, фанаты «Счастливой деревни», болеем за вас.

Повесив трубку, Дебби вытерла глаза и записала номер телефона в блокноте-магните «Список Эльфов» на холодильнике.

– Мне, наверное, нужно позвонить и разузнать про поезд, – сказала я. – Если можно.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

От англ. Jubilee – «юбилей». (Примеч. пер.)

2

Эггног – традиционный рождественский напиток в США, Канаде и многих странах Европы, готовится из сырых яиц и молока. (Примеч. пер.)

Target – компания, управляющая сетью магазинов розничной торговли Target и SuperTarget. (Примеч. пер.)

Купить: <https://tellnovel.com/dzhon-grin/pust-idet-sneg>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)